

роны (аналог российского кабинета Его императорского величества), чтобы заключить с этим управлением договор об эксплуатации королевских рудников²⁶. Можно отметить, что в этой записке уже содержались заметные противоречия с проектом устава Восточно-Азиатской компании. Так, из неё исчезло упоминание о привилегированных акциях, а акцент в распределении прибыли был сделан не на грабёж корейской казны и обогащение акционеров, а на создание оборотного и запасного капитала общества.

Через два дня в развитие уже высказанных идей появилась новые, более откровенные тезисы²⁷. Создание Chartered Company «для полного хозяйничания в стране» выставлялось как исключительно казённое дело при участии Кабинета Его императорского величества или Государственного банка. Для поддержки компании предлагалось также построить железную дорогу от основной трассы КВЖД в Корею (что соответствовало намерениям С.Ю. Витте полуторалетней давности). Как пример для подражания в тезисах упоминался политический аферист Н.С. Леонтьев, чья экспедиция в Эфиопию 1895 г. завершилась назначением его генерал-губернатором «громадной области Абиссинии»²⁸.

9.3. Корейская экспедиция 1898 г.

30 апреля 1898 г. Николаю II была представлена ещё одна записка, в которой доказывалась необходимость послать в Корею экспедицию для разведки

²⁶ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.5 об.

²⁷ Записка о необходимости постепенного захвата Кореи с помощью Восточно-Азиатской компании 28 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.173. Л.29–34. С этой запиской явно связан текст без заглавия, состоящий из 19 пунктов пояснительного характера (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.76–78). По содержанию они самого разного значения, но некоторые из них раскрывают замыслы безобразцев. Так, п.1 предусматривал, что конечным пунктом Сибирской железной дороги должен стать незамерзающий порт, при этом речь не шла о Порт-Артуре. Уже просматривалась некоторая автономия от С.Ю. Витте: в п.8. предполагалось, что Русско-Китайский банк не обязательно будет действовать лишь в интересах Восточно-Азиатской компании. В п.17 отмечалась необходимость мирных отношений с Японией, которых следовало достичь неполитическими уступками Токио в Корею и закреплением их в соглашении Восточно-Азиатской компании с Японией (!) И, наконец, п.19 откровенно раскрывал отношение к Корее: «В будущем замена корейского короля русским генерал-губернатором или оставление короля под вассальным властительством». Разумеется, это была точка зрения безобразцев, но идея о будущем присоединении Кореи к российской короне имела широкое распространение во властных кругах.

²⁸ Подробнее о деятельности Н.С. Леонтьева см.: Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 года). М., 1992. С.68–76, 86–93.

обстановки на месте²⁹. Кроме этого, речь уже шла об устройстве там передовой линии русской обороны и размещении «нашего боевого авангарда» до 20 тыс. и более человек под видом служащих частного общества³⁰.

30 мая 1898 г. В.М. Вонлярлярский доложил Николаю II о необходимости срочных действий в Корее и одновременно – об опасности еврейского влияния в мире. По его словам, лишь Россия была свободна от него благодаря самодержавию³¹. Такая комбинация означала, прежде всего, намерение противостоять политике С.Ю. Витте на «идейном» уровне, чтобы устранить влияние министра финансов на дальневосточные дела. Вероятно, инициаторам «нового курса» к этому времени стало ясно, что С.Ю. Витте являлся их главным препятствием для достижения желаемого.

Царь поддержал идею, пообещав выделить деньги на приобретение концессии у Ю.И. Бринера и на экспедицию, которая отправлялась для её изучения, а также для сбора сведений «о неудовлетворительной деятельности С.Ю. Витте» на Дальнем Востоке³². Во главе всего предприятия был поставлен великий князь Александр Михайлович, имевший большие политические амбиции, но из-за конфликта с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем по делам флота в 1896 г. временно оставшийся не у дел³³. Делопроизводство было возложено на А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского. Докладчиком царю по вопросам его «личной» корейской политики стал новый министр двора барон В.Б. Фредерикс, совершенно не разбиравшийся в международных делах. Тем не менее, именно ему самодержец повелел выдать 100 тыс. рублей из средств Кабинета Его

²⁹ Вонлярлярский В.М. Отчёт о ходе высочайше возложенного на его императорское высочество великого князя Александра Михайловича дела Кореи в 1898–9 гг. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.6.

³⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.6–7. Романов Б.А. Указ. соч. С.386.

³¹ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.128–130. Черновик доклада В.М. Вонлярлярского был составлен А.М. Безобразовым (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.222–227).

³² Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.127–128. У одного из участников экспедиции, лесничего В.А. Тихонова, сложилось впечатление, что экспедиция была лишь ширмой для «новой» политики России в Корее, призванной скрыть намерение приобрести преобладающее значение в северной части королевства (Тихонов В.А. Двадцать пять лет на казённой службе. (Воспоминания отставного чиновника). Ч.2. СПб., 1912. С.450).

³³ вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С.166–167. В.М. Вонлярлярский объяснял это тем, что частые визиты великого князя к царю не вызовут подозрений, тогда как посещения его, А.М. Безобразова или даже И.И. Воронцова-Дашкова выглядели бы необычно. Позднее был разработан особый способ передачи многочисленных безобразовских посланий императору. Денщик В.М. Вонлярлярского Лукашенко доставлял их в руки камердинера Николая II, о чём знала только охрана царской резиденции, пропускаявшая денщика без досмотра (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.127–128, 150–151).

императорского величества на всё предприятие, в том числе и на приобретение концессии Бринера³⁴.

Идею «другой» политики в Корее, но не безобразовской, из чисто стратегических соображений поддержал также новый (с 1898 г.) военный министр А.Н. Куропаткин, после переговоров с ним И.И. Воронцова-Дашкова³⁵. Благодаря поддержке М.Н. Муравьёва членам экспедиций в своих сношениях разрешили пользоваться дипломатическими шифрами³⁶. Действия безобразовцев с самого начала явно противоречили официальному курсу, в частности, заключённому 13 апреля 1898 г. новому соглашению России и Японии о Корее, где обе стороны признавали независимость королевства и обязались не вмешиваться в его внутренние дела³⁷.

В самой идее упрочить своё влияние в другой стране с помощью частных компаний не было ничего зазорного, этот метод уже был взят на вооружение С.Ю. Витте (Русско-Китайский банк, КВЖД)³⁸. Явно в пользу безобразовцев выглядела разница с министром финансов в направлении активности: вместо туманных надежд на Центральный Китай, не подкреплённых достаточными возможностями, они предлагали конкретную, близкую и вполне реализуемую цель – Корею. Однако главная проблема оказалась в другом: с самого начала осуществление «нового» курса России попало в руки безответственных лиц, проводивших его за государственный счет.

В мае–июне 1898 г. в Корею отправились две экспедиции. Список их участников утверждал сам царь. В первую вошли поручик Кавалергардского полка А.И. Звегинцов (будущий октябрист и депутат Государственной думы)³⁹,

³⁴ Первоначально на экспедицию предполагалось выделить 70 тыс. руб., из них жалование её участников составляло 41,5 тыс. (В.Б. Фредерикс – Николаю II 6 мая 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.94–95). Некоторым членам экспедиции оно показалось весьма высоким. Так, лесничий В.А. Тихонов рассчитывал на 5–6 тыс. руб. и был сильно удивлён, получив сумму в три раза большую.

³⁵ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.6 об.

³⁶ В.М. Вонлярлярский маскировал участие М.Н. Муравьёва в этом предприятии, телеграфировал Н.И. Непорожневу, чтобы тот при упоминании министра иностранных дел ставил «Р» (РГИА. Ф.468. Оп. 46. Д.57).

³⁷ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.313–314.

³⁸ Провозглашённые безобразовцами «начала предполагавшейся политики в Корее мало чем отличались от виттевской программы действий в Маньчжурии» (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып.4. Л., 1989. С.62).

³⁹ А.И. Звегинцов был близким другом В.М. Вонлярлярского, которому тот вполне доверял (В.М. Вонлярлярский – Н.Г. Матюнину 23 мая 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.221).

корнет Кавалергардского полка Граббе, горный инженер С.П. Кишенский⁴⁰, служивший до этого помощником известного инженера и путешественника К.И. Богдановича по исследованию Камчатки, лесничий В.А. Тихонов и в качестве «сведущего человека» – новременский журналист С.Н. Сыромятников (Сигма), давно интересовавшийся делами Востока (он выпустил в «Новом времени» цикл статей про Корею)⁴¹. Вместе с экспедицией ехали чиновник Кабинета Его императорского величества Н.И. Непорожнев и его секретарь А.С. Юденич, отделившиеся от спутников в Японии⁴².

Экспедиция готовилась в страшной спешке, её участники собрались вместе лишь за три дня до отправления из Петербурга⁴³. 2 июня 1898 г. семь членов экспедиции отбыли из Одессы на пароходе «Добровольного флота» «Воронеж»⁴⁴. Уже после их отъезда 13 июня 1898 г. А.М. Безобразов представил царю записку о необходимости снаряжения в Корею ещё одной экспедиции, мотивируя это тем, что размах намеченных работ слишком велик. Второй экспедиции следовало сосредоточиться на изучении корейских водных и сухопутных путей⁴⁵. В неё вошли: капитан Н.А. Корф, адъютант военного министра, сын восточно-сибирского генерал-губернатора в начале 1890-х гг. А.Н. Корфа, инженер путей сообщения и писатель Н.Г. Гарин–Михайловский, инженер путей сообщения А.П. Сафонов, техник Н.Е. Борминский, врач И.Н. Акифьев, казак-осетин Б. Гамазов⁴⁶. В связи с ней впервые всплыло имя еще одного участника безобразовского кружка – директора–распорядителя Невского судостроительного завода М.О. Альберта. Он пожертвовал на вторую экспедицию 26 тыс. руб. комиссионных, полученные им от Морского министерства за подряд на строительство в Порт-Артуре, недостающие 30 тыс. руб. добавил царь⁴⁷. Великий князь Александр Михайлович заручился

⁴⁰ Горный инженер С.П. Кишенский, числясь на службе с 1889 г. по Главному горному управлению, был откомандирован в распоряжение пензенской землевладелицы, жены камергера высочайшего двора А.М. Панчулидзева для технических занятий (Список горных инженеров. Составлен по 15-е июля 1901 г. СПб., 1901 С.169).

⁴¹ Его биографию – см. приложение.

⁴² Биографию Н.И. Непорожнева – см. приложение.

⁴³ Тихонов В.А. Указ. соч. С.387.

⁴⁴ По свидетельству В.А. Тихонова – 4 июня.

⁴⁵ Предполагалось, что она должна отправиться из Петербурга через Сибирь не позднее 1 июля с тем, чтобы к 1 августа встретиться с первой экспедицией, добравшейся до Кореи морем (Записка А.М. Безобразова 13 июня 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.228–232).

⁴⁶ Список лиц, принимавших участие в экспедиции Н.И. Непорожнева в Северную Корею в 1898 г. Вторая группа (вспомогательная экспедиция) (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.238 об. – 239.

⁴⁷ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.8 об.

поддержкой экспедиций со стороны российского МИДа⁴⁸. Интересно, что по ходу подготовки экспедиций размах корейских планов безобразовцев заметно сократился. Если в мае 1898 г. речь шла о господстве во всей Корее, то в начале июля 1898 г., напутствуя Н.И. Непорожнева, А.М. Безобразов говорил ему о необходимости сосредоточить внимание лишь на двух северных провинциях королевства – в них «мы должны быть по возможности полными хозяевами и действовать без соглядатаев и вообще конкурентов». Сохраняя «политическую цельность и экономическую независимость Кореи», А.М. Безобразов, намереваясь, как и С.Ю. Витте, действовать экономическими методами (откуп налогов, мелиорация и т.п.), одновременно с недоверием и враждебностью относясь к иностранцам. Но их участие в своих предприятиях он «вполне» допускал⁴⁹.

Специальное задание получил Н.И. Непорожнев, формально числившийся в составе первой экспедиции, но фактически действовавший совершенно автономно, призванный осуществить план основания аналогичного учреждения при корейском короле. Перед отъездом, 8 мая 1898 г. Н.И. Непорожнев подписал договор с представителем Ю.И. Бринера Д.А. Нератовым об условиях продажи концессии. Благодаря вмешавшейся политике владивостокский купец надеялся совершить выгодную сделку: получить за нее 150 тыс. руб. и четвертую часть прибыли от эксплуатации лесов. Но операцию отложили до 1 февраля 1899 г.⁵⁰

Несмотря на заявленную секретность, обе экспедиции вместе с обслуживающим персоналом насчитывали примерно 60 человек, такую деятельность трудно было сохранить в тайне. Уже на пароходе публика сразу уловила «секретность» своих попутчиков⁵¹. Первая экспедиция прибыла в Нагасаки в конце июля, её участники разделились: четверо отправились в Сеул, остальные – во Владивосток⁵². Там первая и вторая экспедиции, наконец, объединились и 10 сентября стартовали к намеченной цели – Корее. В королевстве

⁴⁸ Великий князь Александр Михайлович – М.Н. Муравьёву 21 мая 1898 г. и ответ М.Н. Муравьёва 23 мая 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.4–5.

⁴⁹ А.И. Безобразов – Н.И. Непорожневу 9 июля 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.244–245.

⁵⁰ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.7. По сведениям Б.А. Романова, Н.И. Непорожнев 11 мая 1898 г. всё-таки приобрёл концессию Бринера на средства Кабинета Его императорского величества (Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.447).

⁵¹ Тихонов В.А. Указ. соч. С.390.

⁵² От экспедиции сразу отделился Н.И. Непорожнев, другим участникам было объявлено, что он остаётся в Японии, на самом деле он отправился в Сеул хлопотать о концессиях (Там же. С.405).

они разбились на несколько маленьких групп и двигались самостоятельными маршрутами, встречаясь время от времени. Участники вели топографическую съёмку⁵³, лесничий В.А. Тихонов изучал перспективы использования «концессии Бринера». На полуострове, согласно отчёту, они провели 94 дня (выступив 10 сентября, вернулись во Владивосток в конце декабря, а в Петербург – в январе 1899 г., хотя первоначально планировалось, что экспедиции проведут в Корее семь месяцев), обойдясь Кабинету Его императорского величества примерно в 140 тыс. руб. (88 570 руб. из них составляло жалование участников)⁵⁴.

Далеко не всех «путешественников» посвятили в действительные цели экспедиции, особенно политического характера. Тем не менее, для них подготовили инструкции весьма необычного содержания. Вместо конкретных задач данной экспедиции в них содержались политические рассуждения. Просто поразительно выглядели наставления В.Б. Фредерикса членам дополнительной экспедиции в Корею, представленные 25 июня 1898 г.⁵⁵ В них безапелляционно утверждалась русская «будущая естественная гегемония в Азии». Господство в Корее и Порт-Артуре рассматривалось даже не как цель, а лишь как «командующее положение относительно Японии и всего Северного Китая» и средство для полного присоединения Маньчжурии. Способом реализации изложенной программы рассматривалось железнодорожное строительство, для чего следовало привлечь значительный частный капитал. Разумеется, такие идеи В.Б. Фредерикс, далёкий от всякой политики, тем более дальневосточных дел, не мог предлагать самостоятельно.

Пока экспедиции двигались к цели, в Петербурге приняли неожиданное и неприятное для концессионеров решение. 7 июля 1898 г. Н.Г. Матюнина по распоряжению Николая II внезапно назначили консулом в Мельбурн⁵⁶. Чиновник был «сражен немилостью», пытался сопротивляться, но 31 декабря 1898 г. ему пришлось передать дела А.И. Павлову, служившему перед этим в Пекине и не принадлежавшему к безобразовской группе⁵⁷. В Австралию

⁵³ По результатам экспедиции был подготовлен ряд военно-топографических описаний Кореи ([Звегинцов А.И.] Северная Корея. Сборник описаний позиций. СПб., 1901; Звегинцов А.И. Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий. СПб., 1904; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военное обозрение Северной Кореи. СПб., 1904).

⁵⁴ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.15 об. По другим сведениям, сумма составила 234 тыс. руб. Эта цифра кажется более вероятной (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.235Б).

⁵⁵ Их изложение – РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.15–18.

⁵⁶ АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.49.

⁵⁷ Суть претензий к Н.Г. Матюнину отразилась в его письме министру иностранных дел. Утверждая, что он не понимает причину своей отставки, посланник в Корее, тем

Н.Г. Матюнин, правда, не поехал, а отправился в Петербург, где в начале 1899 г. познакомился с А.М. Безобразовым⁵⁸. Устранение от дел важнейшего для безобразовцев сотрудника, занимавшего к тому же ключевой пост, сильно затрудняло проведение «новой» политики в Корее и означало, что против неё уже ведётся серьёзная борьба.

Тем временем двое из «путешественников», прибыв в Корею, немедленно занялись приисканием концессий. Однако действовали они опрометчиво и некомпетентно. Буквально в день своего прибытия С.Н. Сыромятников сообщил корейскому министру двора (кстати, противнику России) свое намерение построить железную дорогу из России в Корею (Ыйчжу—Циннампо—Гензан, т.е. с севера на юг через весь полуостров). Разгласив замысел, он спровоцировал заявление корейцев, что эту дорогу они якобы собирались соорудить сами⁵⁹. Естественно, что никакого разрешения С.Н. Сыромятников не получил⁶⁰. Да и сам журналист – «строитель», просивший концессию от имени «группы опытных инженеров» (обязуясь передать её российскому правительству, начать сооружение дороги в трехлетний срок и предоставить право выкупа дороги

не менее, признавал, что действовал согласно последним распоряжениям М.Н. Муравьёва, а первоначальные инструкции, требовавшие чрезвычайной осторожности, оказались неисполненными. Н.Г. Матюнин же был не только активен, но и сообщал обо всём министру, несмотря на его явное недовольство происходящим. Кроме того, посланник не довольствовался опорой исключительно на короля и искал себе более широкую поддержку. Это контрастировало с политикой России в королевстве с начала 1898 г., изменившейся после захвата Порт-Артура (Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 16 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.56–60). Резюмируя, можно предположить, что уволили его из-за активных действий, которые не контролировались всецело министром иностранных дел и шли вразрез с его линией. Возможно, что свою роль сыграли сигналы о коррупции Н.Г. Матюнина (подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁵⁸ Н.Г. Матюнин – А.М. Абазе 25 октября 1905 г. (копия) // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.79–87. Несмотря на отстранение от должности, Николай II сохранил симпатии к Н.Г. Матюнину. В 1899 г. экс-дипломат опять оказался в Корее, где помогал добывать концессию, обещанную Н.И. Непорожневу. Поэтому В.Н. Ламздорф сначала испросил разрешения уволить его от должности консула в Мельбурне (конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 15 июня 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.60. Л.48), а затем, когда Н.Г. Матюнин сообщил, что изыскивать концессию ему придется преимущественно подкупом, – и со службы вообще, чтобы он действовал как частное лицо (конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 22 июня 1899 г. // Там же. Л.49). Увольнение состоялось 30 июля 1899 г. с формулировкой: в связи с возложением на чиновника «особого поручения».

⁵⁹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 15 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.132. Л.47.

⁶⁰ Там же. Л.42–43.

корейским властям через 35 лет), выглядел явно несостоятельным. Н.Г. Матюнин, тогда ещё находившийся в Корее, был взбешён поведением С.Н. Сыромятникова. В Петербург он сообщил, что публицист губит дело, совершенно не подходит для осуществления задуманного предприятия, а планируемые им железные дороги «не представляют экономического интереса»⁶¹.

Удачливее оказался Н.И. Непорожнев. 4 августа 1898 г. он сообщил, что есть возможность приобрести крупную концессию на разработку королевских рудников. Николай II разрешил её покупку за счет Кабинета Его императорского величества, также уполномочив чиновника совершать «все выгодные сделки»⁶². 30 сентября 1898 г. Н.И. Непорожнев вручил корейскому монарху записку с планом эксплуатации его рудников. Король сразу повёл себя уклончиво: он обещал сделать всё возможное для воплощения плана в жизнь, но ему якобы мешал «клуб независимости»⁶³. Н.И. Непорожнев также подготовил проект контракта, состоявшего из 12 статей. Согласно ему, российский чиновник становился управляющим «всеми землями и угодьями» короны через создаваемый Кабинет за вознаграждение в 20% от их прибыли. Контракт заключался на 20 лет, но если к началу 1901 г. Кабинет не начинал работать, то весь договор утрачивал силу⁶⁴. Н.И. Непорожневу казалось, что он уже твёрдо условился не только о создании Кабинета, но и о приобретении концессий, поэтому «путешественник» 19 октября 1898 г. просил Петербург выделить ему 200 тыс. руб. Однако он поторопился, так как король изменил свое решение: коджон не отверг идею, но счёл её несвоевременной⁶⁵. 20 октября 1898 г. монарх пообещал пригласить Н.Г. Матюнина для обсуждения контракта на императорские прииски после того, как в стране водворится спокойствие⁶⁶.

Действительно, среди правящих кругов Кореи были сильны прояпонские настроения, с чем следовало считаться, но и сам король, кажется, не намеревался передавать российскому чиновнику право эксплуатации значительной части недр королевства⁶⁷. Вслед за монархом корейские чиновники сразу

⁶¹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 18 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.13–14.

⁶² Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.10.

⁶³ Н.Г. Матюнин – в МИД 30 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.18. О «клубе независимости см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁶⁴ Проект договора корейского императора с Н.И. Непорожневым (копия) // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.70–71.

⁶⁵ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. Л.40–41, 46.

⁶⁶ И.П. Шипов – В.Н. Ламздорфу 10 февраля 1906 г. (копия) // Там же. Д.117. Л.4–5, 9–10.

⁶⁷ Современный корейский исследователь Пак Ро Бёг считает, что король не намеревался предоставить Н.И. Непорожневу концессию, на самом деле он уклонялся от

заявили, что обещание коджона не означает монополию Н.И. Непорожнева на использование рудников короны. Н.И. Непорожнев не понял или сделал вид, что не понял и продолжал готовить проекты документов. Корейцы же для нейтрализации его настойчивости использовали традиционный приём: сами предложили американцу Л. Хунту концессию на разработку горных богатств короны по всей Корее (до этого ему несколько раз было отказано в праве добывать золото со ссылкой, что такая концессия обещана русским)⁶⁸. Даже с помощью российского МИДа Н.И. Непорожневу не удалось получить обещанного⁶⁹. Впрочем, американец также не преуспел.

этого, делая вид, что поддерживает домогательство исключительно для того, чтобы создать перед иностранцами видимость обязательств перед Россией и тем отстранить других соискателей (Пак Ро Бёг. История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 1993. С.14).

⁶⁸ Е.Ф. Штейн – в МИД 18 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. Л.49–50. Е.Ф. Штейн позже сообщил в Петербург условия контракта: разработка всех копей, принадлежащих Министерству двора, под обеспечение займа Корее в 5 млн. иен на 50 лет из 3,5% с выплатой 18% прибыли от концессии королю (проект концессии // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.77–78). Однако сделку якобы сорвал корейский МИД, сообщив о первенстве Н.И. Непорожнева (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.282. Л.9). Несмотря на это, Л. Хунт был полон решимости продолжать борьбу за концессию. Лишь наведя справки у С.Ю. Витте и получив от министра финансов негативный отзыв о ней, он отступил. Российский посланник в Сеуле А.И. Павлов видел в Л. Хунте лишь афериста (А.И. Павлов – в МИД 25 сентября 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.120).

⁶⁹ Переписка об этом – АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. В 1900 г. российский МИД заявил о правах Н.И. Непорожнева на концессию, король опять вроде бы обещал её выдать, но просил, чтобы чиновник лично приехал в Корею либо послал своего представителя (телеграмма А.И. Павлова в МИД, полученная 11 января 1900 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.74). Н.И. Непорожнев ехать отказался, но уполномочил действовать за себя купца М.А. Гинсбурга, известного поставщика российского флота (его биографию – см. приложение). Дело как будто бы шло успешно, но 16 марта 1900 г. М.А. Гинсбург вдруг заявил, что корейцы тянут время и потребовал от них немедленно подписать концессионный договор в редакции Н.И. Непорожнева. Не получив удовлетворительного ответа, на следующий день М.А. Гинсбург покинул Сеул. Российский посланник Е.Ф. Штейн констатировал, что отечественные предприниматели ведут себя на Востоке некомпетентно, действуют через случайных людей (Е.Ф. Штейн – М.Н. Муравьеву 25 марта 1900 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.140–147). В декабре 1901 г. вместо М.А. Гинсбурга в Сеуле появился барон Г.Г. Гинцбург (сведения о нём – см. приложение), действовавший, по его словам, от имени ряда крупных предпринимателей, для получения концессии типа непорожневской (А.И. Павлов – в МИД 30 декабря 1901 г. // Там же. Л.189–190). Барона поддержал Н.Г. Матюнин. Он склонял к этому и директора Азиатского департамента Н.Г. Гартвига, надеясь довести через него до Г.Г. Гинцбурга «абсолютную необходимость на отчисление в мою (т.е. Матюнина – И.Л.) пользу известного процента с чи-

Уклончивость корейского монарха и сопротивление чиновников объяснялись тем, что незадолго до появления экспедиций в Корею, в начале 1898 г. Петербург отклонил его просьбу о поддержке против японцев. Выдавать новые концессии вроде той, которую получил Ю.И. Бринер, и почти даром, не имело для него смысла.

Действия короля неожиданно нашли поддержку в Петербурге: М.Н. Муравьев и министр двора В.Б. Фредерикс также решили отложить покупку обещанной Н.И. Непорожневу концессии до его возвращения и личного доклада⁷⁰. 21 октября 1898 г. В.М. Вонлярлярский обратился за деньгами прямо к В.Б. Фредериксу, объяснив ему, что средства нужны срочно и не столько для того, чтобы самим разрабатывать эти рудники, сколько чтобы не дать это сделать другим⁷¹. Но барон, посоветовавшись с М.Н. Муравьевым, ответил то же самое: выдача денег откладывается до личного доклада

стого дохода затеваемого ими предприятия за моё согласие поступиться для них моим правом первенства» (Н.Г. Матюнин – Н.Г. Гартвигу 19 января 1902 г. // Там же. Л.198 об.). Несмотря на то, что в документах нет прямых свидетельств того, что Н.Г. Гартвиг был также заинтересован материально в передаче прав на концессию, его поведение не оставляет в этом никаких сомнений. Дипломат в этой истории действовал фактически по указаниям Н.Г. Матюнина. Он однозначно поддержал просьбу барона, хотя и оговорил официально, что ходатайство Г.Г. Гинцбурга нарушало права Н.И. Непорожнева и вообще являлось опасным прецедентом: за ним могли последовать и другие иностранцы (Н.Г. Гартвиг – А.И. Павлову 28 января 1902 г. (копия) // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.72). Первенство Н.И. Непорожнева Н.Г. Гартвиг не подвергал сомнению (черновик телеграммы Н.Г. Гартвига А.И. Павлову 28 января 1902 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.206). Между Н.Г. Матюниным и Г.Г. Гинцбургом завязался торг. После затяжной дискуссии они сошлись на том, что Н.Г. Матюнин получит 10% акций учреждаемой компании в обмен на все права горных разработок в провинции Хамкиондо (Н.М. Поппе – в МИД 4 апреля 1902 г. // Там же. Л.222). Пока они торговались, как-то забылось то обстоятельство, что Корея никогда не предоставляла Н.И. Непорожневу никакой концессии и не признавала за ним исключительного права на разработку рудных богатств короны (А.И. Павлов – в МИД 17 января 1902 г. // Там же. Л.195–196). Единственно, что было обещано российскому чиновнику, и подтверждено впоследствии – так это то, что в случае решения о выдаче подобной концессии он может первым претендовать на неё. Переговоры Н.Г. Матюнина и Г.Г. Гинцбурга продолжались весь 1902 г. и начало 1903 г. Н.Г. Матюнин ничем не мог подтвердить свои права на получение концессии, корейское правительство же хотело получить с Г.Г. Гинцбурга ещё денег за предоставления ему прав на горные разработки (это помимо платы собственно за концессию). Завершением трудных переговоров стало соглашение между Г.Г. Гинцбургом и корейским правительством 14 ноября 1903 г., по которому он добился права на горные разработки во всей провинции Хамкиондо за уплату четвёртой части чистой прибыли королю (копия соглашения // Там же. Д.135. Л.46–48). Доля Н.Г. Матюнина в соглашении не оговаривалась.

⁷⁰ РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.57. Л.25 об.

⁷¹ Там же. Л.174.

Н.И. Непорожнева. Если учесть, что свой ответ министр двора отправил 6 ноября 1898 г., а Н.И. Непорожнев, которому ничего не оставалось делать, кроме как выполнять поставленное условие, мог прибыть в Петербург не ранее середины декабря, то ясно, что отсрочка составляла не меньше полутора-двух месяцев и означала нежелание связываться с концессией⁷². 11 ноября 1898 г. А.М. Безобразов ответил В.Б. Фредериксу длинным письмом, в котором показал, что им понят замысел затянуть дело и пригрозил министру двора ответственностью за срыв всей операции⁷³.

Однако демарш успеха не имел. Несмотря на то, что к добыванию денег присоединился И.И. Воронцов-Дашков, 25 ноября 1898 г. В.Б. Фредерикс выдал ему для В.М. Вонлярлярского всего 8 тыс. руб.⁷⁴ В том, что инициатором всей этой истории являлся не министр двора, были убеждены сами безобразовцы. В.М. Вонлярлярский в своих записках выводил главным виновником М.Н. Муравьёва. Вследствие такого решения Н.И. Непорожнев вообще отказался от дальнейших притязаний на корейские концессии, о чём уведомил М.Н. Муравьёва, и фактически отошел от деятельности безобразовской группы⁷⁵. В.Б. Фредерикс распорядился, чтобы Н.И. Непорожнев передал свои права на концессию Н.Г. Матюнину и чтобы тот ознакомил с затеваемым предприятием С.Ю. Витте⁷⁶. Это был уже третий сигнал для «концессионеров», свидетельствовавший о том, что сопротивление их планам нарастает. До него, в августе 1898 г., В.М. Вонлярлярский, оставшийся в Петербурге, получил отказ на просьбу предоставить ему государственный шифр для связи с экспедициями, что также свидетельствовало об изменении отношения к «новой» корейской политике⁷⁷. Главное сопротивление исходило от С.Ю. Витте, чью политику действия безобразовцев затрагивали более всего.

Нет сомнений, что до министра финансов доходили сведения о «новом курсе» в Корее. Помимо М.Н. Муравьёва, агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотиллов 6 октября 1898 г. сообщил П.М. Романову о корейской экспедиции⁷⁸. Он отметил её таинственность, явное наличие сильных покровителей и стремление всячески чуждаться Русско-Китайского банка (т.е. Министерства финансов и С.Ю. Витте). В этом письме Д.Д. Покотиллов также сообщил о переговорах Н.И. Непорожнева с Ю.И. Бринером, о

⁷² Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.11–13.

⁷³ РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.57. Л.179–180.

⁷⁴ Там же. Л.181.

⁷⁵ Н.И. Непорожнев – М.Н. Муравьёву 14 ноября 1899 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.48.

⁷⁶ Телеграмма В.Б. Фредерикса Н.Г. Матюнину 25 октября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.59.

⁷⁷ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.10 об.

⁷⁸ РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.77. Л.65–66.

продаже купцом его концессии за 120 (цифра неточна – И.Л.) тыс. руб. и о запросе в Пекин А.И. Павлову о возможности получения такой же концессии на китайском берегу р. Ялу (дипломат посоветовал обратиться за ней к местным китайским властям)⁷⁹. Впрочем, С.Ю. Витте наверняка получал информацию о деятельности безобразовцев и из других источников. У него имелось достаточно оснований и возможностей, чтобы принять необходимые меры противодействия «новому курсу».

Поэтому завершение экспедиций в Корею в конце 1898 г. происходило в совершенно другой атмосфере по сравнению с началом их деятельности. В.М. Вонлярлярский в январе 1899 г. представил великому князю Александру Михайловичу доклад о проделанной работе. Многие в нём было значительно искажено. Так, с В.А. Тихоновым, пришедшим к выводу о бесперспективности разработки лесов в рамках концессии Бринера (из-за незначительного количества деловой древесины), В.М. Вонлярлярский провел «разъяснительную» беседу. После этого формулировки заключения лесничего смягчились, а он получил чин действительного статского советника⁸⁰. Однако, судя по всему, никакого значения отчёт не имел. Этим и закончился первый этап деятельности безобразовцев: они не сумели быстро реализовать поставленные цели в отношении Кореи в основном из-за сопротивления министра финансов.

9.4. Безобразовцы в 1899–1902 гг.

Сильное противодействие С.Ю. Витте вызвало разногласия среди безобразовцев. Первым проявил колебания великий князь. Александру Михайловичу вдруг стало ясно, что японцы и англичане не дадут состояться столь обширному русскому предприятию в Корее, поэтому он предложил ограничиться лишь северной частью королевства – идея, высказанная им якобы ещё весной 1898 г.⁸¹ На этом он и попытался договориться со всеисильным тогда министром финансов.

На их встрече, состоявшейся 7 января 1899 г., был обсужден широкий круг проблем, в том числе и Корея. С.Ю. Витте заявил, что активность России там вызовет протесты Японии, но согласился с необходимостью ограниченных действий в Северной Корее. После беседы великий князь выразил надежду Николаю II, что «Витте удастся уломать», явно имея в виду «новую» корейскую политику России⁸².

⁷⁹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1518. Л.1–9.

⁸⁰ Тихонов В.А. Указ. соч. С.461–462, 518–520.

⁸¹ Великий князь Александр Михайлович – М.Н. Муравьёву 21 января 1899 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.21–22.

⁸² Он же – Николаю II 8 января 1899 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1142. Л.214–214 об.